

М. С. Рохмистров

СОБСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ДЕТЕРМИНАНТ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

Общеизвестно выражение Аристотеля о том, что «государство и собственность естественного происхождения, их переустройство противно человеческой природе»¹. Священными законами называл известный русский писатель и общественный деятель Д. И. Фонвизин «вольность и собственность», «ясность» которых, по его мнению, должна быть таковой, «чтоб ни малейшего недоразумения никогда не повстречалось, чтоб из них монарх и подданный равномерно знали свои должности и права»². Писал об этом Д. И. Фонвизин в 80-е гг. XVIII в., а Аристотель — более двух с лишним тысяч лет назад, но до сих пор полной ясности ни о государстве, ни о «вольности» (свободе), ни о собственности нет.

Чаще всего собственность представляется «зависимым элементом» общественных институтов (форм государства), которые и формируют «исторически определенный способ присвоения людьми предметов потребления» и реже — как «вещное соотношение людей, определяющее субъекта экономической власти». Последнее-то и выступает неким законом, на основе которого выстраиваются различные конструкции трансформации собственности и даже ее «границы существования» вообще, как основы «возрастающе-

РОХМИСТРОВ Максим Станиславович — кандидат социологических наук, член президиума Союза социологов России, депутат Государственной Думы России, член Экспертно-консультативного совета при председателе Счетной палаты РФ (E-mail: rokhmistrov@duma.gov.ru).

© Рохмистров М. С., 2007

убывающей значимости экономической власти в организации общества»³. Именно о вреде последнего и говорил в свое время Аристотель.

При всей многозначности и множестве исторических примеров реализации вышеприведенного «закона» трансформации (в России, например, от возникновения посессионной формы собственности как модели для организации крупного машинного производства в условиях модернизации феодального периода до фактического исчезновения института собственности в условиях Советской России) каких-либо серьезных обоснований собственности как одного из законов развития общества до появления марксистской теории не было. Даже в утопических доктринах XV–XIX вв. места собственности в проектах создания новых моделей человеческого общежития чаще всего вообще не находилось.

Исключением стала, повторим, марксистская доктрина. Сам ошеломляющий успех марксизма не в том, что он явился некоей вершиной в разработке утопических концепций, хотя по сути это обстоит именно так, а в том, что свою теорию К. Маркс как бы встроил в ту архитектуру общественного развития, которая уже сложилась исторически. На основе глубокого изучения самого хода развития общества, исследования узловых точек этого развития и анализа выявленных им социальных технологий того или иного этапа этого развития К. Маркс и сформулировал свою систему закономерностей развития человеческого общества. Философия истории, по Марксу, стала не только методом изучения прошлого, но и превратилась практически в способ анализа тенденций развития отдельных стран и всего мира. Основывался этот анализ на формулировании неких детерминант, определяющих изменения организации общественной жизни, закономерностей, вытекающих из самого факта наличия этих детерминант.

Эти детерминанты появились благодаря тому, что К. Маркс стал свидетелем бурных изменений в производительных силах и связанных с ними перемен в организации общественной жизни в 40-е гг. XIX в. Эти перемены носили масштабный, системный характер и протекали на фоне растущих производственных возможностей и бедственного положения основной части населения. Перед Марксом воочию развернулась картина того, что развитие промышленности стало атрибутом социально-экономического прогресса. Он наблюдал и тот парадокс, что промышленный пролетариат, выйдя на авансцену истории, становясь ведущей социальной силой в общественном развитии, подвергается обнищанию, в котором Маркс увидел главное следствие развития капитализма.

Наблюдая все это, К. Марксу кажется, что он открыл «железные законы истории» (хотя он и не любил употреблять это выражение). Сомнений у него уже не могло быть: Англия показывает своим последователям картину их будущего. (Возможно не случаен в этой связи и сам выбор его местожительства для работы над своей доктриной.) События, развивающиеся в Ев-

ропе, подкрепляют его теорию: следующие за Англией европейские страны во многом повторяют характерные для нее тенденции трансформации производительных сил, социальных перемен.

Заметную роль в этих переменах, как отметил Маркс, играет собственность. Именно с исследования последней К. Маркс и начинает выстраивать контуры своего видения процесса развития человеческого общества. Так, например, рассматривая общинный труд в его первобытной форме, он отмечал, что сама община, являющаяся предпосылкой производства и, добавим, всей общественной жизни, не позволяла труду отдельного лица «быть частным трудом и продукту его быть частным продуктом». Община обуславливала то, что «труд отдельного лица» выступал непосредственно как «функция члена общественного организма». В этих условиях труд, в результате которого создавалась меновая стоимость, представлялся, по Марксу, как общественное отношение вещей, а не только общественное отношение людей⁴. Но позволяет ли сказанное делать вывод о том, что в условиях первобытной общины главенствующей является общественная собственность как форма проявления Марксового «общественного отношения вещей» — этого «предшественника» его же производительных сил. И на каком основании можно реализовать это утверждение?

На том, как утверждали во времена СССР и продолжают утверждать сегодня некоторые исследователи, в частности А. Ципко и Г. И. Черкасов, также считающие, что благодаря категории разделения труда Марксу впервые удалось проникнуть в «святая святых» истории человечества, у и - д е т ь как зарождаются, развиваются, а потом и исчезают различные формы собственности? Но такого рода предположения К. Маркс мог «увидеть» только во сне.

Те истоки частной собственности, которые, по выражению современника классиков марксизма немецкого экономиста А. Вагнера, вытекают из существования человеческой личности или, по выражению известного русского ученого Б. Чичерина, из природы человека как разумно-свободного человека и лежат, с одной стороны, в человеческих потребностях, для удовлетворения которых необходимы материальные предметы, с другой стороны, в физической силе, покоряющей эти предметы власти человека⁵. К. Маркс представлял истоки частной собственности несколько иначе. Сделав предположение о господстве коллективной собственности в первобытном обществе, он таким же образом перенес рождение частной — в эпоху капитализма.

Исходя из достаточно обоснованного представителями классической политэкономии феномена разделения труда, члены общества распределены по различным родам производства. И все индивиды, по мнению К. Маркса, подчиняются определенным производственным отношениям. Эти-то отношения, проявляясь на практике уже в разветвленной системе ремесленного труда, и предполагают появление частной собственности, т. е. права работ-

ника на его индивидуальное орудие труда. Именно поэтому при капитализме появляется частная собственность, которая совершенно неподвластна обществу.

Именно таким образом К. Маркс включил собственность в свою систему материалистического понимания истории. Вполне естественно, что и для частной собственности, как и других элементов капитализма, в будущем обществе места не было. Ибо, развиваясь, капитализм не только экспроприировал крестьян и ремесленников, не только отобрал у них их орудия труда (или дезавуировал их путем внедрения технических новшеств), но и создал новые формы разделения труда, которые вытеснили старые.

На чем основывалась данная методология К. Маркса? Что касается последнего, то Маркс, несомненно, прав, так как был не только свидетелем процесса становления капитализма, но и изучил об этом массу фактического материала. Что же касается добротности оснований для экстраполяции сведений о прошлом характере собственности на ее будущее в посткапиталистической истории, то здесь у нас возникают вопросы. Более того, можно утверждать, что основные выводы К. Маркса и Ф. Энгельса, который в 1884 г. обобщил результаты исследований по собственности в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», были опровергнуты еще при жизни классиков.

Речь в первую очередь идет об исследовании прусского специалиста по аграрным вопросам Августа Гакстгаузена, «свидетельствовавшего» о том, что в древности земля находилась в коллективном пользовании.

Этот прусский специалист в 1840-х гг. проводил исследования в России. В ходе этих исследований он выявил существование так называемого мира — перераспределительной общины, в которой русские крестьяне держали землю сообща и время от времени перераспределяли ее между собой с учетом происходящих в семьях изменений. Ничтоже сумняшеся, Гакстгаузен заявил, что «мир» имеет древнее происхождение и представляет собой уцелевший пережиток института, некогда повсеместно распространенного.

Уже в 1850-х гг. Борис Чичерин выразил несогласие с данной позицией. «Мир», по его утверждению, отнюдь не древний институт, воплощающий в себе докапиталистический, чуждый приобретательству дух совместной жизни, он является творением царского государства, возникшим в конце XVI в. в связи с введением крепостного права и предназначенным для того, чтобы на основе коллективной ответственности обеспечить удержание крестьян на земле и сбор с них податей⁶.

Больше того, этот «мир» (община), как известно, сохранился и после реформы 1861 г., отменившей крепостное право в России. И сохранился все по тем же причинам: формально — обеспечить сбор податей; фактически — не дать ход процессу развития собственника, который будет угрожать сохранению царского режима.

Весомый удар по представлениям «первоисточников», на основе которых К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали свои представления о коллективной собственности, нанес американец Денмэн У. Росс. Он доказал то, что в книгах юриста и историка Георга фон Маурера, вышедших в 1850-х гг., где утверждалось, что у древних германских племен, не знавших никакой земельной собственности, этот вывод основывался на неверном прочтении Тацита и Цезаря — основных источников сведений по данному предмету.

Как известно, здесь, как и в российском дописьменном обществе, существовала община. Но ни в будущей России, ни в будущей Германии первобытного коммунизма не было. Отсутствие же межей на полях древних германских земледельцев, отмеченное Цезарем, означало, что земля не была поделена, а не то, что она находилась в совместной собственности⁷.

Довершил «разбор» ошибок Маурера знаменитый французский историк Фюстель де Куланжи, который не только отверг теорию первобытного коммунизма на том же основании, что и Росс, но и заявил, что широко распространенная вера в первобытный коммунизм проистекает не из исторических данных, а из общественного климата, установившегося в Европе в конце XIX в.

Действительная история развития собственности, по мнению Б. Чичерина, — и с ним трудно не согласиться даже сегодня, по прошествии более чем века — представляет постепенное развитие того самого начала, которое выведено, конечно же, также умозрительно⁸. Полная и свободная собственность составляет не преходящую историческую категорию, порожденную современным индивидуализмом, а плод всего предшествующего развития человечества. В начале человек не сознает себя свободным лицом, он погружен в общую субстанцию. Окружающая его сфера есть образовавшаяся путем нарождения семья или, в более обширном значении, род. Поэтому первоначальная собственность — родовая. Квалифицировать ее как коллективную собственность, а родовую общину — как первобытный коммунизм, по нашему мнению, нет никаких оснований.

С развитием государственного порядка сами роды приобретают политическое значение, и это сообщает политический характер и их имуществу. В древности, как известно, частное право подчиняется государственному.

Но, несмотря на этот общий характер «древней жизни», личное начало берет свое и разлагает окружающую его субстанцию.

Начало полной и свободной собственности окончательно восторжествовало в Древнем Риме и было возведено в коренное юридическое правило. Всякое стеснение было несовместимо с тем полновластием, которое во всех сферах присваивалось римскому гражданину. В таком же плане римское право сохранило это начало и для Нового времени.

Все сказанное, таким образом, свидетельствует о том, что процесс индивидуализации собственности является плодом исторического развития и

осуществляется не по воле человека, а на основе социальной технологии, порожденной самим фактором саморазвития.

Но данный процесс не противопоставляет частную и общественную собственность, если овладение ею осуществляется без ущемления свободы гражданина и представляет собой совершенно законный способ приобретения собственности, вытекающий из коренных начал права. Конечно, и это сегодня оспаривается представителями марксистской и других научных школ, но уже давно не является каким-либо центром дискуссий о собственности. Сегодня таким центром стало другое начало собственности, которое также имеет прямое отношение к марксизму.

«Коммунизм, — отмечалось в «Манифесте Коммунистической партии», — ни у кого не отнимает возможности присвоения **общественных продуктов**, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения поработать чужой труд»⁹.

Данное положение является главным теоретическим началом, отличающим марксизм от других социалистических школ и главным аргументом его притязания на титул **научного социализма**.

Сам процесс использования трудовой теории для доказательства исторической верности своего учения К. Маркс пытается встроить в научную экономическую систему представителей классической политической экономии. И это далеко не случайно, ибо по своему методу марксизм стоит в значительной степени ближе к этой классической школе и концепции естественных законов ее представителей, чем к социализму. Исследователи творчества К. Маркса редко отмечают это.

Отметим, что и сам К. Маркс не афишировал какую-либо преемственность его учения с буржуазной классикой. Напротив, все его работы проникнуты серьезнейшей критикой представителей классической политической экономии. Но все это может перечеркнуть одно восклицание Маркса, которое, кстати, в современных изданиях «Капитала» отсутствует. Мы приводим его по изданию 1936 г.

«Наконец-то, — пишет Маркс в «Теориях прибавочной стоимости», — выступает Рикардо и кричит науке: стой! Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы — понимание ее внутренней органической связи и жизненного процесса — есть определение **стоимости рабочим временем**. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчет в том, насколько остальные развитые, выясненные ею категории — отношения производства и обращения — соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту... В этом-то и заключается историческое значение Рикардо для науки...»¹⁰

Реквием по частной собственности на средства производства К. Маркс, как экономист, «поместил» в сферу обращения или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы. Эту сферу он

в «Капитале» называет «настоящим эдемом прирожденных прав человека». Здесь господствуют только свобода, равенство и собственность.

Но почему-то Маркс на фоне господства «свободной воли» покупателя и продавца рабочей силы рисует отвратительную сцену, когда после заключения между ними договора (транзакции) владелец денег — капиталист, шествуя впереди, «многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу... а другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить»¹¹.

Но где же та свобода и равенство, о которых Маркс говорил выше? С какой это стати свободный рабочий добровольно подпишет договор, на основе которого ему будут «дубить шкуру»? Все это из тех же голословных предположений, о чем утверждали и представители теории государственного социализма, в наихудшем сочетании с марксизмом, проявившемся в Советской России, где абстрактный интерес общества и партии коммунистов стал «карающим мечом» государства, воспетого и теми и другими теоретиками. Но в отличие от голословных заявлений и фризовольного использования законов диалектики о замене частной собственности общественной Марксом у одного из видных теоретиков государственного социализма — Робертуса — было более ясное представление по поводу собственности.

В отличие от других социалистов, которые прикрывают неопределенность своих взглядов смутным понятием общества, Робертус ясно представляет, что право собственности на произведение труда, а также власть распоряжаться этим трудом можно приписать только государству, ибо государство есть именно общество, организованное как единое целое, имеющее волю, следовательно, и права, что сегодня и является платформой наших «государственников» — противников частной собственности.

Но, как замечал по поводу вышеизложенного утверждения Робертуса Б. Чичерин, никому еще не приходило в голову, «что государство работает, если же государство не работает, то по какому праву может оно быть собственником произведенной работы? Оно может быть собственником по праву овладения, ибо оно может налагать свою волю на внешние предметы; оно может быть собственником тех ценностей, которые, в силу государственного права, выделяются из частного имущества на общественные потребности; но на произведения труда, как таковые, оно не имеет ни малейшего права. А потому, — заявляет Б. Чичерин, — если мы признаем, что труд составляет единственный источник собственности, то мы должны вместе с тем признать, что государство собственником быть не может»¹².

Здесь же Б. Чичерин «приземляет» и проблему происхождения собственности применительно к теории труда: «Трудится не народ, как целое, не государство, трудится отдельное лицо, ибо труд состоит в употреблении

личных сил и способностей». Индивидуализм ли это? — задается вопросом Чичерин. И отвечает: «Без сомнения, индивидуализм! Но что же делать, если труд есть индивидуальное начало, если свобода, из которой он вытекает, есть индивидуальное начало, если право есть индивидуальное начало?»¹³

Тем не менее экономисты до сих пор, характеризуя общественную собственность, заявляют, что данная собственность «должна носить общенародно совместный характер. Это означает, что в ее пределах каждая социальная группа, каждый гражданин есть владелец жизненных благ не самостоятельно, не отдельно от других, а только вместе со всеми, в единстве со всеми. Ни у кого не может быть какого-либо пая (доли) в общенародном достоянии. На такой базе возникает высшая ступень коллективизма в социальной жизни»¹⁴.

Данная цитата взята из учебного пособия для вузов, второе издание которого рекомендовано Учебно-методическим центром «Профессиональный учебник» в качестве учебного пособия для студентов экономических вузов и специальностей, выпущенного в 2003 г. массовым тиражом. Что это? Возвращение к советскому времени?

Как с положением автора данного учебника согласуются действия руководителей таких государственных предприятий, как «Роснефть», Внешэкономбанк и Сбербанк, где государству принадлежит львиная доля собственности, которые «распродают» государственное достояние отдельным гражданам? Не конкретная ли это практика реализации предположения авторов другого учебника¹⁵, имеющих, по их словам, «марксистское происхождение», о том, что в трансформационной экономике государственная собственность находится в процессе движения от бюрократического огосударствления и административного планирования к новым отношениям. Но однозначно утверждать реальность и направленность такого «движения» авторы все-таки не решаются. Они, видимо, догадываются о «марксистском происхождении» и тех, кто стоит сегодня у «руля» трансформационной экономики, которые до сих пор (по прошествии почти двух десятилетий «отхода» России от марксистской платформы) могут «осуществлять движение» между двумя «крайними полюсами» — общественной и частной собственности — и «вперед», и «назад» не только многократно, но и разнонаправленно. Происходит такое, конечно, из-за отсутствия нового опыта жизнедеятельности общества. Здесь чаще всего срабатывает тезис М. Жванецкого: «Зачем идти вперед, когда весь опыт сзади», что в принципе правильно. Впереди, как известно, опыта-то точно нет. И общество всегда развивалось в том числе и на том багаже, который накапливался учеными на старом опыте. И этот багаж состоит не из каких-то доктрин отдельных, пусть даже и выдающихся личностей, а из тех социальных технологий, которые являются результатом именно опыта социально-экономических взаимоотношений многих поколений людей, в процессе которых оставалось только

то, что служило благом, широким массам населения, а не его отдельным представителям.

В этой связи заметим, что пока наши отечественные ученые и практики в своей деятельности будут основываться на старом выборочном подходе к историческому опыту, движение между двумя крайними полюсами, определяющими характер и направленность развития новой России, так и будет носить «челночный» характер. Ибо, выбирая «выгодные» для себя цитаты и положения из любого жизненного опыта или общественных доктрин, будь это экономические теории рыночной экономики — каталактики или марксизма, авторы такого выбора всегда рискуют выстроить извращенную модель развития, вряд ли несущую обществу перспективность развития.

Несмотря на то, что наши политэкономы, а именно только они и занимались до сих пор проблемами собственности, в своем анализе обращаются не только к Марксу, но и к другим светилам науки, начиная с Ксенофонта и Аристотеля и кончая классиком предпринимательства Шумпетером, их «наличный опыт» ограничивается историей России с октября 1917 г. В этот период, скорее всего, утверждают они, имела место «переоценка роли собственности», совершенно игнорировалось положение о том, что собственность — это и есть управление. В этой связи ясно, что ни «национализация» в первые годы советской власти, ни «приватизация» в постсоветский период, оторванные от такого понимания собственности, сами по себе еще не стали панацеей от всех бед. И следовательно, необходим новый подход.

Если собственность принадлежит конкретному субъекту, обладающему на нее всеми правами, то вряд ли надо искать какое-то «единство ее субъекта и объекта»¹⁶. Другое дело, когда государство, как отмечают те же авторы, фактически устранилось от полновесного использования даже тех прав собственности, которые оно не передало частным юридическим и физическим лицам де-юре. Снятие преград с коммерческой деятельности чиновников органов исполнительной власти и менеджмента предприятий, формально оставшихся в государственной собственности, открыло простор для расширения государственного имущества совместными усилиями «деятелей» приватизированного и неприватизированного секторов российской экономики. Но все это лежит всецело в границах того сообщества индивидов, которые сформировали такой управляющий орган, который именуется чаще государством, хотя это не совсем так, и который использует собственность или «все общественные отношения буржуазного государства» (К. Маркс) чисто в своих интересах, далеко не альтруистических, как видим. Именно этому органу и требуют передать все бразды распоряжения собственностью наши «специалисты по собственности». До сих пор частично приватизированные предприятия работают именно в таком режиме. Именно о менеджменте таких предприятий и идет речь. А та ориентация на максимальную либерализацию и приватизацию — стратегия, выбранная после развала

СССР, — действительно основывается на той посылке, что существует некий универсальный тип экономической структуры, обладающий наивысшей эффективностью. Это общеизвестный факт, который не отрицали ни К. Маркс, ни современные марксисты. И эта концепция основывается не на учении представителей неоклассической школы или какой-либо другой, а на представлении самого эволюционного развития человеческого общества, в ходе которого спонтанно рождаются те социальные технологии, которые лучше, чем их предшественницы, могут обеспечивать жизнедеятельность всех членов общества. Смит, Ф. фон Хайек и другие представители экономической науки лишь описывали процесс рождения и функционирования новых социальных технологий.

Именно таким образом представлял собственность и К. Маркс. При всем при том, что К. Маркс был ярким противником частной собственности на средства производства, именно он впервые представил собственность как социологический закон и показал его неразрывную связь с развитием общества в целом. Причем сделал это непосредственно в процессе разработки методологических начал своей общественной доктрины. Именно поэтому сотрудники института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина (ИМЭЛС), первыми опубликовавшие рукопись «Немецкой идеологии», в которой и описывается названное выше открытие закона, постарались дезавуировать этот факт, утверждая, что употребление термина *формы собственности* как охватывающее понятие *общественно-экономическая формация* — это элемент случайности. Да, можно было бы согласиться с данным замечанием, если бы К. Маркс больше не возвращался к данной теме. Но каждый раз, когда он осмысливал процесс развития общества, собственность у него вновь представала в форме социологического закона. Идет ли речь о критике позиции Прудона в «Нищете философии» или о набросках будущего главного труда — «Капитала», Маркс не устает повторять, что ни о каком производстве, «стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности»¹⁷.

Игнорирование собственности как социологического закона в Советской России понятно. Но такое было характерно и для Запада. И хотя в «Новой теории прав собственности» сторонников неоинституционализма многое взято у К. Маркса, собственность как социологический закон и ими не была осознана. Другое дело, что на Западе постоянно шел процесс становления новых социальных технологий, вбиравших в себя весь лучший опыт социальных отношений. В этом плане совершенно неожиданным для исследователей стало осознание ими и той системы цен, которая является не только внутренним механизмом рыночной экономики, но и стала совершенно новым средством управления общественными процессами. По большому счету в системе цен, если ее понимать не как некий финансовый элемент, как она чаще всего трактуется сегодня, а как целостную теорию

самоорганизации общественной жизни в целом, и заключен тот идеал развития человеческого общества, который сегодня только и можно представить. Реализация же этого идеала становится возможной только тогда, когда собственность станет не абстракцией и сугубо научным феноменом, а конкретной реальностью общественной жизни.

И если так понимать собственность, то даже сама имеющаяся общественная модель собственности, очерченная законами и защищенная судом, представляет собой продукт вековой эволюции, как говорил Л. Мизес, с которым бы, несомненно, согласился и К. Маркс. Но с чем бы Маркс никогда не согласился, так это с другим утверждением Мизеса, с тем, что история этих веков — «это история борьбы за упразднение частной собственности». Все это время и деспоты, и народные движения порознь или вместе пытались ограничить право частной собственности или отменить ее совсем. Несмотря на то, что все эти попытки провалились, они, несомненно, оставили след в идеях, определяющих правовую норму и определения собственности, о которых мы говорили выше. Можно без конца фантазировать или искать какие-то подтверждения возникновения собственности и ее каких-то форм. Саму же историю частной собственности, отмечает Мизес, можно проследить до того момента, когда она возникла в результате действий, которые определенно не были законными.

Однако, весьма здраво рассуждает Мизес, и что для нас сегодня особенно важно, тот факт, что юридический формализм может проследить любое право собственности либо до самовольного присвоения, либо до насильственной экспроприации, не играет никакой роли в обстоятельствах рыночной экономики. В рыночной экономике собственность более не связана с отдаленным происхождением частной собственности. События далекого прошлого, скрытые во тьме истории первобытного человека, не имеют никакого отношения к дню сегодняшнему, так как в свободной рыночной экономике потребители каждый день заново решают, кто, чем и в каком количестве должен владеть. «Фактически, — утверждает Мизес, собственники являются уполномоченными потребителей, силами рынка принуждаемыми наилучшим образом служить потребителям. При капитализме частная собственность есть окончательное оформление самоопределения потребителей»¹⁸.

Разница трактовки исторических корней собственности между представителями либерализма, марксизма и других общественных доктрин исключительно в своекорыстии последних.

Ну не корыстно ли доказывать и искать аргументы в древности для утверждения того, что именно поворот цивилизации от частной собственности на средства производства к общественной и является главным движущим фактором реализации той же марксистской доктрины.

Тем более общепризнан факт весьма значительной коррозии марксизма в практическом построении социализма в СССР.

Но возможен ли чистый ренессанс социализма в его «чистом» марксистском плане? Вряд ли. Искать подтверждение положений К. Маркса в современной жизни, как ищут в ней разгадку ребусов Нострадамуса, вряд ли перспективно.

Уже во второй половине XIX в. возникло достаточно свидетельств опровержения основных положений Маркса (О. Бем-Баверк, Э. Дюргейм, Б. Чичерин и др.). Но гораздо больший удар по доктрине Маркса нанесла другая доктрина — неомарксизм. Дать критику марксизма, отмечали в начале XX в. Ш. Жид и Ш. Рист, «было как раз задачей неомарксизма»¹⁹.

Таким образом, вряд ли сегодня, когда в России уже полным ходом идет рыночное реформирование, целесообразно выстраивать некие трансформационные модели собственности, чем занимается большинство ее исследователей в России, пытаясь тем самым сбить сам процесс рыночных реформ. Более перспективно руководствоваться всеми теми положительными результатами наших предшественников, в том числе и К. Маркса, на основе которых сегодня можно представить некую модель собственности, которая будет не тормозить, а способствовать нашему продвижению более интенсивно, чем в прошедшие годы рыночного реформирования России. В этой связи с большей очевидностью можно характеризовать собственность как многофункциональную социальную технологию, появление и развитие которой всецело связано в том числе и с реализацией еще неосознанных законов развития человеческого общества.

Сказанное позволяет не только представить те конкретные направления научного поиска перспективных путей постсоциалистической трансформации России, но и сформулировать конкретные рекомендации сокращения сроков этой трансформации, воспроизвести те условия реализации собственности как социальной технологии, которые и станут адаптационными механизмами становления и новой ментальности населения, и новых общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности российского общества.

¹ Аристотель. Метафизика // Антология мировой философии. М., 1999. Т. 1, ч. 1. С. 468.

² Фонвизин Д. И. Рассуждение о неперемennых государственных законах // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993. С. 49.

³ Собственность в XX столетии. М., 2001. С. 26, 50.

⁴ См.: Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 20.

⁵ См.: Чичерин Б. Собственность и государство. М., 1882. Ч. 1. С. 97, 100.

⁶ См.: Чичерин Б. Опыты по истории русского права. М., 1858.

⁷ См.: Пайтс Р. Собственность и свобода. М., 2001.

⁸ См.: *Чичерин Б.* Собственность и государство. Ч. 1. С. 156, 157.

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 440.

¹⁰ *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Соч. М., 1955. Т. 1. С. 8.

¹¹ *Маркс К.* Капитал // Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 7. С. 167–168.

¹² *Чичерин Б.* Собственность и государство. Ч. 1. С. 135–136.

¹³ Там же.

¹⁴ *Черкасов Г. И.* Общая теория собственности. М., 2003.

¹⁵ См.: *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Теория социально-экономических трансформаций (Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире): Учеб. пособие. М., 2003.

¹⁶ Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. М., 2002. С. 202–203.

¹⁷ *Маркс К.* Введение (из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 714.

¹⁸ *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005. С. 641.

¹⁹ *Жид Ш., Рист Ш.* История экономических учений. М., 1995. С. 366.

Статья поступила в редакцию 15.11.2006 г.

Г. П. Касперович

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА

Вдумываясь в то, что не единожды было сказано Президентом РФ В. В. Путиным в ежегодных посланиях Федеральному собранию РФ, а также на различного уровня совещаниях, можно заметить его беспокойство о проблемах комплектования госструктур подготовленными управленцами.

В послании Федеральному собранию РФ 2002 г. В. В. Путин заявил: «...Работа государственных бюрократических органов организована плохо. И одна из причин этого — незнание чиновниками современной науки управления»¹.

Положение о нехватке современных управленцев на всех уровнях и во всех структурах власти содержится и в послании 2003 г.², где президент прямо заявил о том, что, несмотря на огромное число чиновников, в стране ощущается тяжелейший кадровый голод. Не менее откровенно о нехватке квалифицированных специалистов, в том числе и в сфере управления, ост-

КАСПЕРОВИЧ Григорий Павлович — первый вице-президент Регионального отделения Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка (Екатеринбург), генерал-полковник.

© Касперович Г. П., 2007